

Иллюстрации: ОВД-Инфо

02.07.2017, 18:10 Челябинская область

ИНТЕРВЬЮ

«Хуже, чем в тюрьме»: политзек Алексей Морошкин рассказывает о принудительной психиатрии

14 июня из психиатрической больницы в Челябинске вышел Алексей Морошкин. Там он провел более полутора лет после того, как его обвинили в призывах к сепаратизму за публикации во «ВКонтакте» о необходимости создания Уральской Народной Республики. Ему поставили диагноз «параноидальная шизофрения». ОВД-Инфо поговорил с Алексеем Морошкиным о том, что происходило с ним в психиатрической больнице.

Какие условия были у вас в больнице?

— Сначала меня стали закармливать таблетками. У меня уже язык стал загибаться к небу. Ходить не мог.

Такое ощущение, знаете: стоишь — и не стоитя, ляжешь — и не лежитя. Что-то хочется делать постоянно, не знаешь что, неусидчивость такая, «неусидка» называется. Такое состояние, что жить невозможно.

Потом перестали давать много таблеток, все нормализовалось. Это продолжалось около месяца.

Вы знаете, что это были за лекарства?

— Нет, они не говорят, какие препараты дают. Рот проверяют, велят язык поднять — пьешь или не пьешь. Самое страшное — это уколы, которые в течение месяца рассасываются в организме. Таблетки еще можно спрятать, а от укола не спрячешься, его сделают, и тебя месяц трясет от одного укола. Потом мне их перестали делать. Они явно стали побаиваться, когда пошла огласка. Поэтому уже не закармливали меня лекарствами, создали мне более или менее сносные условия содержания, никто меня не трогал. Если бы огласки не было, все могло бы быть гораздо хуже.

Говорили ли они с вами про ваше дело, разговаривали ли на политические темы?

— Нет.

Но они **сделали заявление в связи с тем, что вы считали себя политзаключенным.**

— Да, такое было. Но это стандартная схема: человек должен признать, что он больной. Если ты этого не делаешь, для них это значит, что у тебя нет критического отношения и ты еще не выздоровел. Это

общее отношение к пациентам. Если не признаешь, что ты больной, то просто оттуда не выйдешь.

Когда становилась известна дата очередного заседания суда, где вам могли продлить срок пребывания в больнице, отражалось ли это на поведении персонала?

— Да нет. Мне сразу сказали, что первые два раза мне будут продлевать срок, что у них такая практика.

Говорили, что статья у меня не из легких. Сейчас, мол, такое политическое положение в стране, сами поймите, борьба с экстремизмом. На зоне, мол, вы бы легко и недолго не сидели, поэтому и здесь будете сидеть подольше. И еще даже говорили, что моя статья приравнивается к терроризму, что экстремисты и террористы — это в одном ключе.

Это заведующая отделением говорила.

Было ли поначалу еще какое-то давление, ограничивали ли вас в чем-то, в чем не должны были?

— Там, в принципе, не в чем ограничивать, потому что ты и так во всем ограничен! Кроме лекарств, от которых может быть плохо, основное там — это абсолютная скука. Я читал журналы, книги, конечно. Но, честно говоря, такая атмосфера, что не читается. Об этом все говорят. В тюрьме читалось. Но в больнице вообще хуже, чем в тюрьме. В тюрьме и отношение персонала было лучше, там и на «вы» называли, и к тому, что ты политический, относились лучше почему-то. Вообще никаких нареканий у меня нет к персоналу. Дело в чем: тюрьмы активно проверялись ОНК (Общественными наблюдательными

комиссиями за местами лишения свободы — *ОВД-Инфо*), и это очень сильно содействовало улучшению условий, это прямо очень сильно чувствовалось, что там боятся ОНК. Чувствуется, что тюрьмы сильно подтянулись в области прав человека. А больницы не находятся в ведении ОНК, туда невозможен доступ, они не могут проверять и не могут воздействовать.

В этих больницах, в психушках, людей не лечат, их просто изолируют. По сути, это такие же тюрьмы.

Я очень много видел людей, которых туда помещали незаконно, слышался историй, как родственники их сдают, и полиция может туда засылать неугодных. Есть, конечно, больные люди. Атмосфера в больнице, конечно, тем плоха, что в тюрьме ты находишься все-таки среди здоровых людей, а в больнице ты находишься, в основном, среди тяжело больных, и более или менее здорового человека это угнетает. Бывает даже не с кем пообщаться.

Сколько человек было у вас в палате?

— Я всегда лежал в палатах, где было мало людей. Они называются палатами для выздоравливающих. Человек десять-двенадцать там было всего лишь. Большие палаты — это человек двадцать, двадцать пять.

И какой контингент там, в основном?

— Я был на общем режиме, это обыкновенная больница, лежишь с обыкновенными больными. Есть еще спецрежим, там только уголовники лежат, только по статьям. На общем режиме была частая ротация больных — заедут, два месяца полежат, уедут. И человек десять принудчиков (находящихся на принудительном лечении по уголовной статье — *ОВД-Инфо*), мы лежим там долго, годами.

Какие еще могут быть причины для принудительного лечения?

— Политический я там был один. А так — убийства, воровство.

Но при этом их не на спецрежим помещают?

— Там такая система: сначала их помещают на спецрежим или даже на спец с интенсивом, а потом переводят, понижают. После спеца с интенсивом просто спец, там два года отлежал, потом дают общий, еще два годика отлежит, и только тогда на свободу. Это тоже, мне кажется, несправедливо.

Почему простые больные люди вообще должны пересекаться с преступниками, которые лежат по статьям? Ладно, я политический, но представьте себе: психически больной убийца лежит вместе с нами, выздоравливает, так сказать.

Я считаю, что если ему дали спецрежим, то он уже должен со спецрежима и выписываться. Но вообще персонал больницы относится к принудчикам не как к больным, а как к зекам. Там все понимают, что мы просто отбываем свои сроки, мы не выздоравливаем, мы можем быть абсолютно здоровыми. Смотрят только на статью. Сколько тебе определено отсидеть, столько ты и будешь сидеть. В данном случае — лежать. Об этом все говорят, все это знают, и все с этим согласны.

Я так понимаю, что меня освободили только потому, что пришел новый ответственный за принудительное лечение, не знаю, как его должность называется. Сначала работала женщина, которая еще с советских времен занимала эту должность. А сейчас пришел новый человек более прогрессивных взглядов и меня отпустил пораньше.

А остальных?

— Тоже начал пораньше выписывать. Ну, он такой, более прогрессивных взглядов. «Эхо Москвы» слушает. Я удивился даже. Он услышал обо мне по «Эху Москвы» и передал это заведующей. Наверно, это какое-то впечатление на него произвело.

Но прогрессивные взгляды означают, что он склонен более по-человечески относиться к тем, кто на принудительном лечении? Это на практике как-то отражалось?

— Я с ним встречался, когда он проводил комиссию для выписки, это происходит раз в полгода. Так он непосредственно не наблюдает больных, не ведет посещения. Видимо, он не считает, что мое преступление приравнивается к терроризму. В целом, я считаю, что меня так рано выписали, потому что было давление со стороны СМИ, правозащитников, и пришел человек более прогрессивных взглядов.

Как было со свиданиями, часто ли их давали?

— На общем режиме свидания два раза в неделю, по средам и воскресеньям. Это один из плюсов больницы по сравнению с тюрьмой.

Омбудсмен областной не приходил к вам?

— Нет. Приходили правозащитники, Щуры (Татьяна и Николай Щур, члены ОНК Челябинской области предыдущего созыва — *ОВД-Инфо*). Больше никто.

Вы сказали, что в СИЗО было лучше, но ведь в какой-то момент вас там поместили в медсанчасть, где были тяжелые условия.

— Да-да. Лучше, если не считать «дурхаты». Я сначала сидел вообще хорошо — месяц в одиночной камере в ФСБшной тюрьме «семерке», потому что был следователь ФСБ (по словам Татьяны Щур, несколько лет назад СИЗО № 7 передали в ведение ФСИН, но неофициальный контроль ФСБ сохраняется — *ОВД-Инфо*). Там чисто, все тщательно контролируется ОНК. Как в отеле. Потом, когда я стал числиться за судом, меня перевели на «однерку», централ местный (СИЗО № 1 — *ОВД-Инфо*). Сначала я сидел в карантине, было весело довольно. Потом, видимо, поскольку я политический и могу влиять на других заключенных, распространять среди них экстремистские взгляды, я сидел в «двушках», хатах на двоих. Сидел с очень богатыми людьми, предпринимателями, которых обвиняли в мошенничестве. И у них все было — телевизоры, холодильники. Поэтому я сидел в комфортабельных условиях, и отношение сотрудников было замечательное. А потом, поскольку мне поставили невменяемость, меня перевели в так называемую «дурхату» — медсанчасть, для психически больных. И там был ад абсолютный.

Ничего не моется, грязно, из обоих кранов идет то одна горячая вода, то одна холодная. Вместо туалета вокзальная параша, из которой постоянно воняет. За окном псарня, собачий лай постоянно. И отношение другое, ни в баню нормально не сходить, ни на прогулку.

В общем, если бы я написал жалобу в Европейский суд, я бы однозначно выиграл. По сравнению с тем, какие туда подают жалобы на плохие условия содержания, я сидел в самых адских условиях. «Дурхата» — это самый низ, худшее, что можно себе представить в СИЗО. И опять же контингент, люди, с которыми сидишь в «дурхате», это

полный кошмар. Убийцы, те, кто проходит по статьям «изнасилование», «развратные действия в отношении малолетних», неоднократно судимые. Я там один был политический. Обычно же в СИЗО ранее судимые не контактируют с ранее не судимыми, их вместе не сажают. А в медсанчасти все вместе сидят — и те, у кого по пять, по шесть ходок, и я, который в первый раз.

Решение признать вас невменяемым было неожиданным, или какие-то намеки звучали до этого?

— Неожиданным было. Наверно, основную роль сыграло, что один раз я месяц был в психиатрическом стационаре, в открытом отделении, в 2003 году из-за депрессии.

Второе дело сейчас затихло, никто не появляется?

— Да.

А к вам в больницу в связи с этим делом приходили?

— Посещали, да. Приходил следователь проводить следственные действия, ознакамливать с делом. Потом дело отправляли в прокуратуру, прокуратура возвращала, они снова проводили какие-то действия, снова ознакамливали с делом. А недавно пришли снова опера, снова Центр по противодействию экстремизму подключился. Незадолго до выписки приходили в больницу к заведующей, расспрашивали, кто ко мне приходит, пользуюсь ли я гаджетами. Провели еще один обыск в квартире, интересовались экстремистской литературой, какими-то связями, пытались найти краску, одежду.

Как вы думаете, что будет с этим делом?

— Не знаю. У них уже год и восемь месяцев идет расследование. Прокуратура так и не утверждает обвинительный акт. Они его давно закрыли бы, это было бы самое простое, но, видимо, оно для них слишком значимо, слишком принципиально. Насколько я понимаю,

на них в свое время Москва давила, когда это произошло. Если бы просто краской покрасили — это одно, а то в цвета украинского флага.

Думаете ли вы о том, что делать дальше, чем заниматься?

— Пока еще ни о чем не думаю, со вторым делом хочу разобраться и тогда уже буду что-то решать. Сейчас я не могу никуда устроиться на работу.

Всюду, где нужна справка от психиатра, для меня дорога закрыта. Я должен в течение нескольких лет каждый месяц отмечаться у психиатра, получать в обязательном порядке лекарства, таблетки, уколы. Если я снова по каким-либо причинам, хоть планоно, попадаю в психушку, я там буду обязан лежать как минимум сто дней, раньше меня не выпустят.

Это называется АДН (активное диспансерное наблюдение — *ОВД-Инфо*).

Вас арестовали после того, как вы уехали из России, а потом вернулись. Почему так произошло?

— Я хотел убежать. Особо выбирать было не из чего. Понадеялся на людей, что они мне помогут, они пообещали помощь, а потом меня бросили, подставили, и я не смог никак закрепиться в Украине, поэтому пришлось возвращаться обратно.

Дело об Уральской Народной Республике

Житель Челябинска Алексей Морошкин обвинен в призывах к нарушению территориальной целостности РФ за посты о необходимости создания Уральской Народной Республики.

Дело о бюсте Ленина

2 11

Ещё почитать

25.02.2026 Челябинская область

Фольклористу из Ханты-Мансийска заменили реальный срок по делу о донатах ФБК на условный